

Отрицать триумфальное шествие зелёной идеологии по всему миру было бы нелепо — уже несколько десятилетий продолжается наступление, и бастионы социальных порядков, экзистенциальных барьеров и психологических установок захватываются один за другим. Когда-то активисты "Гринпис" были маргинальными Робин Гудами, сопровождавшими китобойные суда, пикетирующими меховые магазины и бойкотирующими их звёздных покупателей. Общество в целом отвечало им тогда симпатией и лёгкой иронией.

Сегодня никакой иронии нет и в помине, вчерашние Робин Гуды захватили командные высоты и в политике, где теперь доминирует климатическая повестка. Западные элиты не просто приняли к сведению эту самую климатическую повестку, но и руководствуются ею как главным наказом совокупного избирателя, точнее, наиболее активной, настойчивой и влиятельной части электората.

ГРЕТИНИЗМ: ДЕТСКАЯ ИДЕЯ И ВЗРОСЛАЯ ПОЛИТИКА

По поводу общественного сознания нечего и говорить: нелепо определить, были ли за последние два столетия примеры такой консолидации общественного мнения, как сегодня, по поводу спасения планеты. Как тут не вспомнить классика: овладевая массами, идеи становятся великой силой. С этим не поспоришь, это мы видим и сейчас. Но как раз сегодняшний пример побуждает к новой постановке вопроса: что же именно должно содержаться в идее для того, чтобы в неё безоговорочно поверили массы? Навскидку легко предложить различные параметры: соответствие народным чаяниям, доступность доходчивость, научность, справедливость требований, совпадение личного интереса с интересами общими. Что из этого работало, что сделало климатическую идею (или климатическую истерику) если не великой, то действительно значимой силой в современном мире?

Прежде чем разбираться, попробуем изложить исходную идею в совершенно простом и детском виде, что оправданно, поскольку идея изначально детская и подростковая, и если не её идеологи, то её пророки находятся в возрасте Греты Тунберг (правда, для многих этот возраст стал пожизненным). Итак, начинается всё, как положено, с пунктов обвинения:

— Вы, те, у кого сейчас власть, положение и самоуважение, — просто эгоисты, прикрывающиеся заботой о детях.

— Именно вы погубили эту планету. Вы разрушили единство природы и осквернили всё, что только можно, — вашей потребительской гонкой и грабительской техникой вы загрязнили Землю и продолжаете её загрязнять. Мы вам больше не дети, мы презираем таких матерей и отцов.

Это важнейшая критическая часть, она действительно пульсирует в резонанс с юными сердцами. Позитивная часть — ответ на вопрос "что делать" — несколько более расплывчата, хотя по-своему тоже впечатляет:

— Мы будем бороться за наш шанс дышать воздухом, купаться в неотравленных реках и любоваться живыми и свободными животными. Мы призываем и требуем: оставьте Землю в покое. Оставьте в недрах земли нефть, уголь и руду — это не для вас, эгоистов, это для всей природы. — Источники свободной энергии — солнце и ветер. Их хватит всем.

И далее следуют некоторые детализированные пункты, отчасти уже включённые в "климатическую повестку", отчасти лишь ожидающие включения, среди них запрет охоты, рыбной ловли, мяса, едства и прочих "проявлений варварства".

Что ж, беглый взгляд или беглое вслушивание свидетельствуют о том, что такие речи, скорее даже вариации одной и той же речи, находят отклик в душе. Так что особого удивления по поводу того, что эта идея овладела массами, у нас нет. Но всё же проведём проверку по пунктам.

В МИРЕ ПОСТПРАВДЫ И ПОСТНАУКИ

Вот научность. Мы то и дело слышим, что это учёные бьют тревогу, это они призывают всеми силами противостоять роковому потеплению, опираясь на свои беспристрастные научные выводы. В действительности, однако, дело обстоит не так, в каком-то смысле даже с точностью до наоборот.

Я помню, как во время экспедиции в Антарктиду беседовал с климатологами на палубе нашего судна. Речь, конечно же, зашла о потеплении и о роли человеческого фактора в этом явлении. И учёные с грустью признавали, что никого уже не интересует, как обстоит дело с истиной: либо ты бьёшь в колокол тревоги, и тогда на тебя смотрят с уважением, вручают премии и печатают в лучших журналах, либо ты ссылаешься на таблицы и нудно говоришь, что с фактической стороны дела тут ничего не ясно, тогда даже твоё начальство скоро задумается: а нужен ли нам такой учёный?

Учёные когда-то совершали удивительные вещи во имя истины: готовы были отстаивать её в одиночку, отстаивать вопреки презрительному недоумению окружающих; немало славных страниц в историю борьбы вписала как раз советская наука — достаточно вспомнить борьбу за генетику. Теперь от прежней стойкости не осталось и следа. Сегодня перевод истины в экзистенциальное измерение больше не принадлежит сословию учёных, он является, например, достоянием экологов-неоязычников, идеологичного подразделения армии Греты Тунберг. Во многом благодаря этому как раз и наступила в мире эпоха постправды.

На вооружении "зелёных" остаётся некоторое число частных утверждений, содержащих в себе долю истины, однако по правилам логики они не перестают от этого быть ложными. Например, мы говорим, что запасы углеводородов в Земле, в её недрах, рано или поздно закончатся. Отсюда, однако, вовсе не следует, что спасением станут ветряки и солнечные батареи. Тут учёные пока непоколебимо утверждают, что энергия ближайшего будущего — это ядерная энергия, что же касается будущего более отдалённого, тут истины не знает никто.

В действительности это и не слишком важно для неоязыческого мифа: ясно, что наука является для него отнюдь не опорой, а скорее наложницей, которую можно щедро одаривать, если она хорошо угадывает желания своих господина. Так что в "зелёных" акциях, в их пикетах, шествиях и впечатляющих выражениях гнева наука используется не по назначению, а, что называется, в хвост и в гриву.

Что же они действительно больше всего напоминают, эти шумовые эффекты новых бескомпромиссных праведников? Ну, например, вот что:

"Люди страшилища лунного затмения, считая его дурным предзнаменованием. Каждый год астрологи сообщали императору о датах предстоящих затмений. Император передавал полученные сведения наместникам и губернаторам провинций, они, в свою очередь, оповещали о затмении неба начальников городов и уездов.

С наступлением лунного затмения чиновники одевались в официальные халаты и принимали меры к тому, чтобы спасти луну. Зажигались светильники и курительные свечи, чиновники трижды совершали земные поклоны и трижды были чепом в землю. Вся церемония челобития поворачивалась трижды: в начале лунного затмения, в момент его апогея, и после затмения.

Крестьяне во время затмения наблюдали за отражением лунного света в воде, били в медные тазы и барабаны, чтобы отпугнуть прожорливое чудовище, пытающееся проглотить луну. В 1906 году, например, когда началось лунное затмение, население Шанхая взрывало в большом количестве хлоплушки и стреляло из ружей, чтобы помешать злому духу пожрать луну" (В. Сидихменов "Китай. Страницы прошлого").

Правда, эти церемонии отлчно одно важное обстоятельство. На придворных астрономов и астрологов императора никто не давил, и они пользовались методом вычисления лунных затмений, известным и халдеям, и египтянам, и эллинам. О предсказателях и прорицателях сегодняшней климатической катастрофы такого не скажешь: на них оказывается беспрецедентное давление, причём заказчики, что называется, используют метод кнута и пряника. В остальном же с точки зрения эффективности предпринимаемых действий и противодействий — полный параллелизм.

Важно, что овладевая массами идея, даже "настоящее" мировоззрение не представляет собой никакой органичной целостности. Напротив,

теми, кого принято называть солью земли? Разве не они первыми пострададут от безответственности элит и расплатятся по полной? Они. Но не будем забывать, что это те же самые люди, которые разбежались по своим убежищам и прятались в норки по первому же сигналу воздушной-капельной тревоги, а ещё до этого отказались от полноты гражданских прав: от права воспитывать детей в соответствии с собственными ценностями и моральными установками (ещё в конце XX века власть над колыбелью захватили психоаналитики и "соцработники"), от права отстаивать собственное "неграмотное" мнение там, где жрецы — уполномоченные Просвещения и самой Науки — выносят свой вердикт. Вообще, формулировка мнения как сколько-нибудь значимой политической позиции была попусту передоверена юристам.

Всё это можно рассматривать как дискриминацию среднего класса, как то, что в советской терминологии называлось когда-то поражением в правах. Но выяснилось, что в отношении борьбы за свои права офисный планктон, составляющий существенную часть сегодняшнего среднего класса, далёк от решимости пролетариата и революционной буржуазии, заложившей когда-то основы гражданского общества в Европе.

Словом, велика вероятность того, что и законопослушные налогоплательщики, добрые самаритяне, стерпя на первых порах неизбежные экономические последствия торжествующего гретинизма. Стало быть, всё будет зависеть от стойкости экзистенциального авангарда — тех очарованных языческой магией, кто готов терпеть и пострадать ради идеи, какой бы убогой она ни казалась тем, кто её не разделяет.

дальные, запретные сущности, как "патриотизм", "историческая преемственность", — но с ними ни один публичный мыслитель, дорожащий своей репутацией, не станет и связываться, или включая их в разряд "опасных химер", как Бруно Латур. Итак, констатируем сложившуюся на сегодняшний день ситуацию: наука отступила, философия вместо сопротивления поспешила действовать по принципу "чего изволите?", идеологическое поле для неоязычества расчищено.

Последнего слова не сказала искусство — и с этим связана надежда. Ведь как раз высшая магия искусства во времена Тициана и Леонардо смогла победить примитивную магию чернокнижия и алхимии, боровшуюся за власть над умами и душами. Эта высшая магия "истинной видимости", как называл её Гегель, покорила и первых учёных, создателей науки Нового времени: Галилея, Декарта, Лейбница. — и тогда поверх серой действительности началось развёртывание контуров будущего мира, подсвеченного грандиозным обещанием, но обернувшегося и суровыми реалиями: промышленной революцией, индустриальной эпохой, капитализмом, что называется, во всей красе...

Но ведь не только ошибками и злоупотреблениями сопровождалось воплощение этого самого грандиозного магического-космического проекта. Не говоря уже о собственно научно-технических достижениях (мало кто задумывается о том, что и они сегодня под угрозой), уместно вспомнить некоторые образцы удивительной гармонии с природой, например, такие фигуры, как "натуралист", "полярник", "воздухоплаватель", стоит вспомнить и соответствующие им микрорепхи. Сегодня было бы вовсе не лишним извлечь эти

обратиться вновь, чтобы вернуть жизнь в заброшенный оазис времени, совершить то, что сама природа сделать не в силах.

Мне показалось, что в этот момент посетившие станцию участники экспедиции — несколько художников, группа биологов и климатологов — кое-что поняли. Да, современной науке практически всё это оборудование уже не нужно, спутниковые данные и прочие средства дистанционного мониторинга отправили эти приборы с красивыми зелёными индикаторами в отставку. Но. То, что не нужно для "мониторинга", всё ещё может пригодиться для внимательного, заинтересованного наблюдения, такого, при котором устанавливаются особо доверительные отношения между наблюдателем и наблюдаемым, такие отношения можно назвать взаимным присутствием. Стало ясно, что художник свободных стихий готов заступить на вахту. И тогда природа, по крайней мере, в этой локальной точке, откликается на его готовность так, как она никогда не откликается на экологические маниакальные борцов с машинами. Позиции полярника, натуралиста, воздухоплавателя, художника и поэта в этот момент обнаруживают свою сущностную близость: выясняется, что натура без натуралиста неполна и ущербна. Исследователь, в свою очередь, обретает истинную перспективу, которая открывается лишь с привлечением эстетического горизонта.

И вторая важная вещь, тесно связанная с первой. Погружаясь в простую данность свободных стихий и пытаясь найти в ней своё правильное место, художник прежде других замечает, что как раз со свободой стихий дело обстоит не так уж и благополучно. В той связке, которая сегодня именуется "природой", стихии не свободны, прежде всего потому, что слепы. Вспомним общегреческое представление, разделяемое и Платоном, и Демокритом. Согласно ему, всё сущее как совокупность предстает в трёх стадиях или фазах: как хаос, как фюзис и как космос. Извлечение мира из хаоса есть, по сути, функция олимпийских богов, ими создаётся фюзис как мир, пригодный для упорядоченной жизни. Космос же представляет собой более высокое произведение духа, его невозможно создать без развёртывания логоса, без вразумления смертных.

СОН РАЗУМА И ГРЯДУЩЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

И тут уместно сказать несколько слов о философии — увы, неприглядных слов. В истории философии были славные периоды сопротивления социальному заказу и требованиям психологического комфорта — достаточно вспомнить фигуру Сократа или Достоевского с его "Записками из подполья". Но несколько десятилетий назад философия взяла на себя роль служанки партии "зелёных", исполняя всё, даже смутно сформулированные запросы коллективной инфантильной души поколения Тунберг и уж тем более прямые требования социальной инженерии. Так, критике "архаичной бинарной сексуальности" посвящены сегодня сотни работ и, говоря словами Пелевина, на это всегда есть гранты. Критическая расовая теория и woke-идеология сегодня оказались фактически в грозной роли марксистско-ленинской философии, причём скорее сталинского, а не брежневского периода, — и немногие дерзают бросить вызов этой господствующей парадигме, а дерзающие тут же оказываются маргиналами, лишёнными рукопожатности. Участь Джоан Роулинг, позволившей себе усомниться в том, что "бинарная сексуальность" безнадежно устарела, сейчас у всех перед глазами — а ведь это одна из самых известных ныне живущих писательниц. Но и её не спасла даже волшебная палочка Гарри Поттера, что уж говорить об академических преподавателях философии, неизвестных широкой публике, ископаемых из списка рукопожатных, из академического сообщества практически тут же, в момент воленого или невольного прегрешения. Российские гуманитарии, понятное дело, не столь запуганы, но и до них уже дотягиваются репрессии.

Для нового поклонения природе философия предоставила весь комплекс услуг, расщепивая новыми терминами то, что всегда было принято именовать анимизмом и глизозизмом. Для примера сошлёмся хотя бы на одного из признанных авторитетов спекулятивного реализма — Грама Хармана: "Более последовательно, с моей точки зрения, говорить о полипсихизме (вместо анимизма. — А. С.), чтобы подчеркнуть тот факт, что список воспринимаемых сущностей должен быть расширен относительно пределов, которыми его ограничивали ранее. Однако не вполне справедливо распространять его на все сущности. Так следует поступить не из желания исключить небольшое число презренных объектов из демократической экспансии души — сослать, например, пыль, тараканов или пустые пластиковые бутылки в философские трущобы, а цветам и электронам даровать душу. Мы должны повсеместно избегать таксономической ошибки, не распределяя термины "воспринимающее" и "невоспринимающее" среди отдельных видов сущностей".

Добродетелью пассажи попадаются сегодня сплошь и рядом — и у Квентина Мейсуа, и у Бруно Латура: высшей добродетелью считаются как раз контингентность и полипсихизм — или, в более привычных терминах, — бессистемность и анимизм на уровне первобытной магии. Студентами это встречается на ура, что профессора прекрасно знают, вот и старается побольнее пнуть субъекта за его высокомерие и человека за его самонадеянность: надо же, возмнил себя выше калмаров и корабельных сосен...

Кто-нибудь из слушателей мог бы поспорить насчёт тараканов: не такие уж они презренные объекты. Совсем другое дело — такие столь скан-

удавшиеся образцы из забвения, и сделать это может только художник, причём работающий в новой эстетике свободных стихий.

Опять вспоминается четырёхлетней давности экспедиция в Антарктиду, в ней участвовали сотни художников, а также поэтов, режиссёров, даже философов из разных стран мира и небольшая группа учёных — собственно полярников. Все очень быстро пришли к общей установке — процитирую абзац из совместного манифеста:

"Дело в том, что время от времени Ноев ковчег должен возобновлять своё плавание, но не как средство аварийной эвакуации, а как своего рода патруль. Как Ноев патруль. Неповторимое разнообразие сущего всё время оказывается под угрозой, нужна зоркость, чтобы эту угрозу распознать, и поддержка, чтобы её предотвратить. Кроме того, требуется ещё проверка на жизнеспособность тех порождений генезиса и произведений поэзии, которые возникают во множестве каждый день. Что из этого возникающего и производимого способно возпламенить души и увлечь сердца, а что есть лишь кивалд браяцкой и водопад шумящий, только мираж, которым пустыня заманивает заблудившихся путников".

Собственно говоря, Центр искусства свободных стихий представляет собой как раз такой патруль: мы берём ответственность за возобновляемое плавание Ковчега. Искусство, погружённое в свободные стихии, закаляется и проходит проверку на прочность, художник в ходе плаванья понимает, что такое правдивость, а сами стихии обретают свободу, которую даёт как раз искусство, отменяющее принудительность и бесчеловечность стихий, состоящих на службе хаоса.

Каковы же стихии, состоящие с нами в дружеском симбиозе? Прежде всего, раз уж речь идёт о Новом патруле, — это вода, все океаны планеты, составляющие единый Океанос. Вторая — стихия пространства, без неё не существует человеческой свободы. Третья — земля, предпочтительно та, которая на горизонте. Четвёртая — воздух, обогащённый мечтой как кислородом; таким воздухом привыкла дышать команда Ноева патруля. А есть стихия дружества и другие свободные силы, как неназванные, так и безымянные. Но творчество — это не стихия, это навигация среди свободных стихий, самый притягательный маршрут для настоящего художника".

Так было сказано в манифесте. Но готовность к новой, демургической эстетике и пробы нового искусства, которым, возможно, будет принадлежать решающее слово в преодолении примитивного неоязычества и возобновлении высокой магии, — эти вещи тесно связаны друг с другом и в совокупности составляют чрезвычайно важный аргумент.

Вот мы совершаем очередную высадку на побережье ледового материка и застаём брошенную полярную станцию, когда-то принадлежавшую Великобритании. Здесь всё прекрасно сохранилось: измерительные приборы от цейсовской оптики до симпатичной рации — если её подключить к генератору, замигает зелёный огонёк, затем пойдут характерные потрескивания в эфире. Рядом со станцией припаркован снежный, наверное, одна из первых моделей, — на нём можно отправляться вглубь материка. Красивые инструменты, ими хочется что-нибудь измерить и записать в журнал. Вот небольшая библиотека, среди книг я вижу Дарвина, Набокова, труды по физической географии, атлас морей и океанов 1955 года. К этим книгам стоит

С тех пор философия так или иначе сохраняла эту глубокую идею — теперь же в её пользу однозначно свидетельствует новый опыт художника. Включившись в игру стихий, художник увидел, что стихии не свободны и не самодостаточны, что они скорее нуждаются в освободителе, чтобы предотвратить сползание в хаос. Становится ясным, что не только в искусстве, но и в природе есть своя безжалостная графомания, бесконечно затаившаяся повторение, то, что Гегель называл "дурной бесконечностью". Природа-фюзис сама загрязнена переизбытком неточных, неудачных версий, она остановлена в своём развитии туловищами решениями. Но прежде всего, натура слепа без натуралиста. Искусство, переходя от точечных произведений-опусов к симфонизму свободных стихий, может и должно вернуть способность зрения и прозрения. А раз уж представители новейших философских течений призывают отказаться от идеи презренных сущностей и загнать в "душу электрона", то почему бы не уредить наблюдательные посты и в микромире, на всех уровнях, уходящих на самую глубину. Тогда, в новом союзе, наука и искусство могли бы сделать активистам куда более интересное и вдохновляющее предложение, чем отгонять лунное затмение хлоплушками и отпугивать птиц новейшими ветряными мельницами. Для этого следует освободить природу от инерции затухания и ловушки безличных повторений. В борьбе за "чистую природу" прежде всего нужно определить, что же такое её чистота, её действительная творческая сила. А кто же лучше художника и поэта может справиться с этим?

В этой идее, безусловно, заключён романтизм, он даже определяет её. Но не стоит забывать, что самые искренние и самые ярые активисты всемирного "зелёного" похода — это или буквально подростки, или те, кто сохранил детскость души. И за них надо бороться. Какой бы наивной и невежественной ни была их сегодняшняя программа. Причём бороться стоит независимо от того, к каким последствиям приведёт безответственный популизм политиков в ближайшее время: все перспективы будущего сходятся в новом содержестве науки, искусства, философии и чистоты души.

Одновременно возобновлённая магия высокого искусства сразу обнаружит всю противоречивость и нелепость сегодняшнего языческого синкретизма: можно будет легко отделить то, что привнесено социальной инженерией, — то есть глумление над человеческой природой, глубоко оскверняющее природу как целое, космос в его истине — от зопотого запаса романтизма вечно юношеской души.

И тогда из разряда "презренных сущностей" можно будет вернуть в нормальную человеческую жизнь и историческую преемственность, то есть опыт истории, который содержит в себе не только жестокость и слепоту, но и то, что необходимо для сохранения человеческого в человеке: подвиги, открытия, дерзания духа. Можно будет вернуть в переключки голоса великих мёртвых — Декарта, Шекспира, Ницше, Достоевского, и страшно сказать: патриотизм тоже очень даже пригодится для продуманной редакции сегодняшнего детского лепета. Тогда спасатели планеты поймут, что помрачение разума куда опаснее лунного затмения, что оно и есть самый опасный вид загрязнения природы.

На фото: Варшава, акция «Гринпис» против «Газпрома»